

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЛЕКСИКЕ ПЕРЕВОДА
„ЛЕКАРСТВА НА ОСПАЛЫЙ УМЫСЛЬ ЧОЛОВЬЧЫЙ“***

(Острог, 1607)

М. ЕРЕНБУРГ

На рубеже XVI — XVII веков Дамианом Наливайкой был осуществлен перевод с церковнославянского на западнорусский (староукраинский) язык трех текстов и издание их в острожской типографии в 1607 году.

Сборник вышел двумя параллельными текстами на церковнославянском и западнорусском языках, т. е. рядом с подлинником печатался его перевод¹.

Два обстоятельства обусловили обращение к настоящему сборнику: а) „Одна из самых трудных проблем в изучении переводных произведений — это проблема установления того текста, с которого делается перевод“². Волею исторического случая мы освобождены от этой задачи. Правда, еще остается вопрос происхождения наших церковнославянских текстов в связи с их лексикой, но это особый вопрос.

б) Прямые и косвенные данные свидетельствуют о том, что переводчик „Лекарства“ был сановным священнослужителем в Остроге и Вильне, главой типографии в Дермани, крупной политической фигурой и известным литератором³. Все это позволяет полагать, что перевод сделан достаточно квалифицированно и в нем отразились тенденции (богословские, текстологические, лингвистические, политические и пр.) того времени. Не случайно польский ученый В. Витковский, анализируя язык произведений И. Галятовского (фонетика, морфология, синтаксис), счел возможным сопоставить результаты

* Далее сокращенно — „Лекарство“.

¹ Образец языка „Лекарства“ см.: Н. И. Толстой. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.). „Славянское языкознание“. М., 1963, стр. 249—250. Здесь же указания о соотношения лексики в условиях параллельных текстов. Образец языка „Лекарства“ и обстоятельный анализ особенностей развития языка письменности в Белоруссии и на Украине в 14—17 вв. см. также: У. В. Аніченка. Беларуска-українські письмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969.

² Д. С. Лихачев. Текстология. Изд. АН СССР. Москва—Ленинград, 1962, стр. 413.

³ Сведения о жизни и деятельности Д. Наливайки см.: „Українські письменники, Біо-бібліографічний словник“, т. I. Уклав Л. Махновець, Київ, 1960.

анализа с данными „Лекарства“ в кругу произведений таких известных писателей, как М. Смотрицкий, К. Сакович, Т. Л. Земка, П. Берында и др.⁴.

Переводческая манера Наливайки сочетает в себе умение найти „золотую“ середину между необходимостью точного следования за смыслом и способами выражения церковнославянского текста, с одной стороны, и желанием перенести все в сферу представлений своего читателя – с другой. Сумел он также найти языковые возможности для передачи образного строя подлинника. Все это имеет значение при определении словарных соответствий в двух текстах и верного понимания причин и способов отбора языкового материала в переводе.

Мы же рассмотрим только те случаи соответствия, в которых находят отражение принципы переводчика или необходимость найти компромиссное решение.

1. Перенос лексемы из церковнославянского текста в западнорусский (червь, волховъ, безсловесный). Не всегда принимаются во внимание слова основного лексического фонда (рука, небо, вода) или специальные термины (вѣра, вседержитель).

2. Отсутствие переноса, т. е. регулярное употребление западнорусского эквивалента. Здесь рассматриваются только те случаи, когда перенос возможен, так как у других авторов в аналогичных условиях или в одинаковых по содержанию фрагментах текста наблюдается церковнославянская лексема или фонетический вариант (другъ, огонь).

3. Соответствие, в котором многозначному церковнославянскому слову эквивалентна группа западнорусских лексем (страсть || попудливость albo запалчивость, храм || церковь albo храм)⁵.

Следующий этап – это изучение соответствий в рамках церковнославянского текста, т. е. определяются особенности функционирования слова оригинала. Затем все внимание сосредоточивается на переводе.

Как слово оригинала, так и его эквивалент в переводе рассматриваются в аспекте лексической стилистики. В дальнейшем изучение слова может быть продолжено с позиций адекватной семантизации.

Для предварительной проверки данных, которые будут получены в процессе рассмотрения соответствий, воспользуемся предположением о том, что в эпоху создания „Лекарства“ восприятие значения было тесно связано с представлением о „направленности“ значения.

⁴ W. Witkowski. Język utworów J. Gałatowskiego na tle języka piśmiennictwa ukraińskiego XVII w. Kraków, 1969. (Zeszyty naukowe Uniw. Jagiellońskiego. /z./ 211. Prace językoznawcze. Z. 25).

⁵ Двумя вертикальными черточками разделяем извлечение из параллельных текстов „Лекарства“.

Когда уже в процессе перевода определилась „направленность“ значения, то необходим становится (или он уже существует в процессе выбора направления) набор стабилизирующих средств, оправдывающих или уравнивающих данное направление значения с предшествующим или возникающим по ассоциации. Назовем эти средства – атрибутами „направленности“. Рассмотрим частный случай выбора формы для понятия ‘огонь’ – огонь, огонь, огонь. Если предположить, что в бытовом представлении это понятие должно было связываться с конкретными предметами – печь, дрова и пр., то создается „направленность“ проявления „огня“ Если же снимается сопровождение его и переводится в иную понятийную сферу, то функционирование его в этой новой сфере, его „направленность“ туда должна быть чем-то стабилизирована, должны быть атрибуты. Снятие данной „направленности“ создает только возможность иной „направленности“, иной сферы, но реализация ее там создается сочетанием иных сопутствующих значений (другие слова) и отношений (связи слов).

Для переводчика „Лекарства“ достаточно было при создании соответствия снять бытовой атрибут сопровождения (огонь в печи) и ввода иного (геенский огонь, пекельный огонь, негаснучий), чтобы восстановить „направленность“. В „Лекарстве“ в 25 случаях находим только соответствие „огнь || огонь“.

Т. Л. Земка же перевел синаксари с греческого на западнорусский, отнюдь не пренебрегая исконными западнорусскими словами и полонизмами, тем не менее для обозначения фантастического „потустороннего“ взял только церковнославянскую форму: „Там будет плачь, и скрежетане зубомь. Робакъ их не скончѣтся, и огонь ихъ не погаснетъ“⁶. Глагол мог бы увести в сферу бытовых представлений и получился бы дисонанс с темой о „геенне“. Земка предпочитает форму „огнь“, доступную пониманию читателя и не требующую специальных атрибутов, так как контекст является своеобразным средством „направленности“. Подобные явления отмечаются и в „Лекарстве“, но о них речь пойдет ниже. В „Лекарстве“ сопровождение атрибутом в форме „не загасаючий“.

П. Берында, кажется, намерен был продемонстрировать три разные сферы применения, прикрепляя к каждой одну из форм: огонь: огонь.

Огнище : огниско, стусь дровъ палаючий.

Огнь разгнѣти : огонь разложи“ (стр. 79).

„Геена : метаф: огонь пекельный“ (стр. 198).

„Пекло : смола, albo неугасаючий огонь“ (стр. 81)⁷.

⁶ Цит. из книги Хв. Титова. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI–XVIII вв. Київ, 1924.

⁷ Лексикон славенороський Памви Берынди. Изд. В. В. Німчук. Киев. 1961.

Только для реально-бытовой ситуации со словом „разложи“ устанавливается соответствие „огнь|огонь“. Здесь также нужно учитывать, что все три формы будут восходить к разным языкам, но по усмотрению авторов употребляются в произведениях на западнорусском языке. Таким образом, сфера их функционирования определяется предметом, о котором идет речь, „иерархией“ этого предмета по отношению к ему подобным.

Стремление к точности следования за переходами внутри семантической структуры слова подлинника в самом переводе может отразиться набором лексем, соответствующих семам слова оригинала.

„Трепещуть || боятся и дрыжать“ 106^в. П. Берында также предлагает эти эквиваленты.

Переводчик ясно осознавал, что в церковнославянском тексте слово „трепещуть“ было с двойным значением – ‘душевное состояние страха’ и ‘внешнее проявление страха’. Можно было бы, разумеется, для достижения соответствия ограничиться одним только словом „дрыжать“, полагаясь на свойства контекста, но тогда направленность не была бы бескомпромиссной и возник бы рецидив первичного значения.

„Направленность“ и „атрибуты“ смысла могут устанавливаться также в границах всего сложного предложения. Например: „пловя съвами море сіе пространное, невѣмъ како поползнувся, къ самому погибелному дну ниспаде || пльвучи бовѣмъ звами натомъ широкомъ мори, невѣдаю з якихъ мѣрѣ послизнувшия, на самое вѣчное згибели дно выпалѣ“ 13.

а) Первая часть предложения „пловя съ вами море сіе пространное“ не противоречит пониманию его смысла как реальное ‘передвижение по поверхности воды’. В контексте же оно осознается как ‘жить, быть в кругу дел бытия’, т. е. создается метафора. Образ этот является традиционным. Воспроизведению же его в переводе способствует лексема „послизнувшия“ со значением ‘ошибиться, допустить оплошность’, которую находим во второй части сложного предложения. Ни первое, ни второе значение не могут каждое в отдельности остаться в первичном плане, т. к. создается противоречивый контекст – одно в реальном, другое в метафорическом, или наоборот. Они взаимосвязаны. Переводчик, не погрешив против верности тексту, мог заменить лексему „послизнувшия“ какой-либо другой лексемой, более определенно передающей смысл. Не сделал он этого не только, чтобы сохранить образный строй подлинника, но и в связи с тем, что она была атрибутом первой части предложения.

б) В первой части предложения находим соответствие „пловя || пловучи“. Правомерность употребления лексемы объясняется не только сочета-

^в Примеры из „Лекарства“ приводим с некоторыми изменениями в графике: 1) заменили „юс“ буквой „я“, 2) в строке печатаем выносные буквы, 3) сняли надстрочные знаки,

нием со словом „море“, но и всей структурой семантического поля, каким оно представлено в „Лекарстве“. Мы выделили три семы: 1) ‘передвижение по воде без указания средств’ и переносные – выражаются лексемами от основ „пльв-, плав-, плов-“; 2) ‘передвижение по воде с помощью рук и других случайных средств’ – передается теми же лексемами, но с обязательным указанием на эти средства; 3) ‘передвижение на судне’ – без указания средства – передается польским „жекглєвати“. Первая сема противопоставляется остальным достаточно четко. Раз определенность передвижения не поддерживается указанием на средство, то лексема свободна для передачи иных значений или функционирования в иной сфере понятий. Что касается сочетания со словом „море“, то оно, как мы только что видели, не играет роли в выделении сем. „Море“ в значении „жизненное поприще“ само требует атрибута „на томъ“.

в) В словосочетании „на вѣчное згибели дно выпаль“ сравнительно с церковнославянским текстом есть дополнительный компонент „вѣчное“. Оно является традиционным в изобразительном багаже конфессиональной литературы. Оно также участвует в создании ритма, близкого к оригиналу, т. к. без него два компонента были бы с субъективной связью и один только с адъективной. Но помимо всего этого, оно уравнивает два других слова – „дно“ и „выпаль“, которые тяготели бы к своим первичным значениям. Таким образом, дополнительная лексема может создать чисто внешнее ощущение избыточности значения. Хороший перевод может быть длиннее подлинника.

Так, дополнительный компонент берется для соответствия „запрещєніє || караню и строфованю“ в следующей фразе: „довольно естє рече таковому запрещєніє се, еже от многихъ || досыть повѣдаеть таковому на томъ караню и строфованю, которое терпѣль от васъ всѣхъ“ 31. И в „Лекарстве“, в других местах, и у П. Беринды регулярным соответствием будет второй компонент – „строфованье“. Это же место в Евангелии на польском языке в переводе Я. Вуйка также ограничивается данным словом (2-е послание к коринфянам, глава 2-я).

Тем не менее „лишний“ компонент есть. Думаем, что для переводчика значение „страфованье“ (порицание) и „терпѣль... отъ всѣхъ“ (скорее страдать, мучаться, чем переносить) не были в одном ключе, хотя в церковнославянском и польском могло быть иначе.

Еще пример с „лишним“ словом: „тѣмъ да никто же ми зазрїть нѣѣ, аще и рыданїа яже въ прроцѣ писанная множайша съпишу || апрето жадєнь ми втомъ нехай нѣмаєть зазде если и надѣ описаный упороковъ лamentsь, ширшїй и большїй напишу“ 7.

Здесь к регулярному соответствию „множайша || большїи“ добавляется слово „ширшїй“. Первый эквивалент – это дань подлиннику. „Ширшїй“ же

определяет, что „ламент“ выступает не в значении ‘плач’, а в метонимическом ‘такой литературный жанр’, пространное послание. Не будь этого слова, глагол „напишу“ вступал бы с „большіи“ в противоречивые отношения, т. к. возникало бы тогда значение в сугубо количественном измерении. Заимствованное слово „ламентъ“ несет в себе всю гамму переходных оттенков от ‘плач’ к ‘жанр’. В западнорусском языке было достаточно иных слов, чтобы вполне недвусмысленно передать необходимое значение, но для него важно было найти слово, способное отразить семантические переходы.

Выбор лексемы определяется не только на основе достоинств каждой в отдельности, но и пониманием взаимосвязей ее с другими лексемами. Иначе говоря, учитывается место каждой лексемы на сетке семантического поля. Отклонения от набора сем не всегда, очевидно, означают неверное употребление или влияние внешних факторов.

Так, в „Лекарстве“ намечены семы для соответствия „блуд, блужение, блудник, блудница, блудный || блуд, вшетеченство, блудник, блудница, вшетечник, вшетечница, блудный“: 1) ‘ошибка, заблуждение, прегрешение’ — все в области религиозных, политических и социальных отклонений. Сюда же относятся и бытовые происшествия. Примеры: „блудъ || блудъ“ 60,3; „блужение || блудъ 65,20; 28,11; „блудного || блудном“ 29,4 и др.

2) ‘Адюльтер’ „Блудникъ || блудникъ“ 17,4; 104,23; „блуд“ 9,5; „блудимую || блудницу“ 105,20.

3) ‘Проституция, проститутка’. „Блудница || вшетечница“ 30,3; 60,5; 83,22.

Есть в тексте и иные церковнославянские лексемы: „развращения || вшетеченства“ 60,6 — ‘своеобразная форма проституции’: „малакиць || псу подобный вшетечник“ 17,5 — ‘половое извращение’.

Но, например, у П. Берынды находим такую статью: „Малакія: блудъ ручной“. Эпитет „ручной“ не только характеризует значение со стороны специфики извращения, но и способствует направленности значения в иную область.

Использование термина в иной сфере придавало ему эмоциональную заостренность.

Поиск „направленности“ может приводить и к более радикальным преобразованиям соответствия, чем мы до сих пор видели. Разберем несколько примеров.

Вокруг церковнославянского слова „анкира“ возникает серия соответствий.

а) „анъкира || котва 115,6. Значение ‘якорь’ — прямое, функционирует в конкретной ситуации. У П. Берынды в данной статье прибавляется только

эквивалент „котвица“. Переносные же значения он указывает в статье с реестровым словом „котва: умоцнение, держава...“

б) „яко да отсѣчеть надежду юже имама къбѣгу. анькуру твердо || абы яко могъ отяти надѣю нашу которую маемо до бѣа. корму мощную“ 11.

В соответствии „анькура || корма“ для образного выражения избирается лексема из той же лексико-семантической группы ‘предметы корабельной оснастки’, но состав сем у них будет разный: „анькура“ ‘якорь, опора’⁹, „корма“ - ‘руль, направление’¹⁰.

Соответствие строится в традиционном плане в группе переносных значений, принятых вокруг ‘море, корабль, кормчий, корабельная оснастка’ и пр., где „море“ будет с ключевым значением ‘жизнь, быт, житейские дела’ и пр., но каждый термин в отдельности может опираться также (или опирается) на присущий ему оттенок значения.

в) „Кто оставить анькуру сію сѣнную || кто путившися анькіры тое стое“ 12. Рядом глосса – „корма“.

О том, что слово „анькіра“ было включено сознательно, свидетельствует прежде всего его транслитерация (отсутствие „ъ“ и замена ижицы на „і“). Другое дело, почему оно было включено вместо освоенного соответствия с „корма“ (или „котва“), которое в тексте несколькими строками выше фигурировало в этом же сюжете. Сомнительно, чтобы это была обычная стилистическая разрядка¹¹. Вернее всего, это влияние эпитета „святое“, который был приложим к сравнительно ограниченному кругу определяемых слов. Получается обратное воздействие. Лексема „святое“ привлекается для характеристики явления, но слово это, в свою очередь, определяет, какую лексему оно может характеризовать. В плане наших рассуждений о „направленности“ и „атрибутах“ значения перенос церковнославянской лексемы в западнорусский текст „спасает“ от возможного противоречия, т. к. „корма“ имеет первичное конкретное значение, а „святой“ – только богословское.

⁹ В конфессиональной литературе „анькіра“ часто выступает в непрямых значениях. Значительное количество примеров подобного употребления собрано в „Slovník jazyka staroslověnského. I (a – аше). Praha, 1958, стр. 38.

¹⁰ С метафорическим значением может выступить и польское „стырь“: „правды стыру пилне держачися“ (пример взят нами из книги А. М. Булыки „Даунія запазычанні беларускай мовы“ (Мінск, 1972, стр. 310).

¹¹ В „Лекарстве“ достаточное количество случаев с употреблением одинаковых для обоих текстов лексем, которые мы иначе не можем объяснить, как соображениями стилистической разрядки, н-р „царстве // царство небесное“, „царствие небесное“, „ко ролевство“ (32–33), „червь // робацтво“, „черви“ (37), „вълхви // чернокиженики, волхвы“ (20) и др. Но и здесь соблюдается „иерархия“ в выборе лексемы в зависимости от объекта: „черви“ – „потусторонние“, „робацтво“, „робаки“ – „земные“. Это будет операция, движимые индивидуальными эстетическими соображениями, но опору они находят в сложившейся богословской и литературной концепции духовенства.

Еще один пример, но уже с переносом целой фразы – „руки варварскіє, сѣя сѣхъ оскверниша || руки варварьскіє сѣя сѣхъ осквернили“ 8. Соответствие „оскверниша || осквернили“ не входит в разряд регулярных, ибо обычными будут соответствия типа „воздухъ... оскверенен бысть || повѣтрѣ... сплюгавлено есть“ 125 и с др. эквивалентами. Вновь, как и в случае с „анкіры сѣе“, перенос лексемы определенлся особым пиететом в отношении некоторой группы понятий. Что же касается первой части фразы „руки варварьскіє“, то здесь могли сказаться еще и другие причины. Перевод с регулярным соответствием („члѣди варвари и неразумнїи || людъ грубый неучоный“ 71) невозможен, т. к. в церковнославянском тексте слово „варварския“ имеет значение принадлежности. Но не лучшим бы оказался перевод другим способом выражения принадлежности – „руки варваровъ“, т. к. затемняется смысл всей фразы и разрушается образный строй. Нужно было компонент фразы „руки“ поднять над первичным значением для подачи понятия ‘сами варвары’.

* * *

Исследованный материал позволяет сделать некоторые выводы.

1. Лексические соответствия в „Лекарстве“ позволяют судить об особенностях переводческой техники того времени вообще и данного автора в частности.
2. Употребление разных по происхождению слов в переводной части сборника чаще всего хорошо мотивировано.
3. Язык перевода „Лекарства“ вполне адекватен языку оригинала.

SOME REMARKS ON THE VOCABULARY OF THE TRANSLATION

„Лекарство на оспалый умысль чловѣчїй“

M. ERENBURG

Summary

A collection under the title contains three works of confessional literature. They all are written in Church Slavonic and Old Ukrainian. Data exists about the translator.

Thus there is no necessity to make primary textual investigation; the degree of reliable generalization increases; comparison with works about which there is no special information (author, date, place of creation) becomes possible.

The paper presents a description of one of the possible ways of comparison of the two languages in the collection; it defines the reasons and conditions of functioning of words in the translation which are different in origin (Church Slavonic, Polish and Old Ukrainian).

Such a comparison gave the possibility to determine the fact that this vocabular variety was caused by the necessity of reflecting the semantics and figurativeness of the words in the original and by the possibilities of the language of the translation.